

~~«Поучении Джедефхора» с рекомендацией обзавестись детьми именно для этой цели. Высказывая эту мысль, автор обращается к реконструкции истоков древнейших компонентов египетской ментальности — работе, которая прodelьвается очень редко, — и приводит ее, как мы видим, успешно.~~

~~Завершающие монографию два кратких очерка о мифологических образах Хатхор и Исиды обозначают их качества богинь чувственной любви и материнства, но, в общем, играют чисто иллюстративную роль. Думается, они бы выиграли от подключения к ним мифологических коннотаций женских образов новоегипетской литературы, о которых мы говорили.~~

~~Подводя итог обсуждению работы А. А. Банщиковой, нельзя не признать ее успеха. Большинство ее выводов кажутся убедительными, а те, по поводу которых возникают возражения, самой заданной автором постановкой вопросов побуждают к плодотворной дискуссии. Данная работа — достойное начало по настоящему исследовательской разработке гендерной проблематики в отечественной египтологии.~~

И. А. Ладыгин

**Гендер в историческом познании: не только полезно,
но и не страшно. Новый антропологический опыт
в альманахе «Мир историка»**

Если историческая наука ещё может себе позволить какое-то время следовать устоявшимся образцам, то условием развития истории историографии — когда перед нами не обзорного характера нарративы, тяготеющие к аннотированной библиографии, — выступает проблематизация исторического познания, тенденций и апорий его развития. Ориентация на новые вопросы как раз отличает серийный сборник «Мир историка», появление которого было связано с новаторским проектом омских историографов, а именно «стремлением вернуть в историю исторической науки "человека" — показать учёного-историка в процессе житейских перипетий»¹².

---

¹² Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, Г. К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 3. В 2006–2008 гг.

В первом выпуске этого ряда изданий историки прояснили интенцию своих поисков: испытывая «чувство тесноты в рамках традиционной историографии», которая не питает интереса к истории науки как деятельности «живых людей», они использовали в качестве эмблемы своей исследовательской программы троп «мир историка», — конечно, «метафора туманная», но «достаточно верно указывающая на общее направление работы»¹³. Деятельность омских историков отвечает современной модели научной коммуникации: «Альманах — научные конференции — междисциплинарные семинары — учебная литература (что составляет логично выстроенный коммуникативный ряд) являются своеобразными узлами новой интеллектуальной сети»¹⁴. Одним из базовых элементов данной схемы является «Мир историка», четвертый выпуск которого¹⁵ приурочен к юбилеям двух учёных — д.и.н., проф., зав. кафедрой современной отечественной истории и историографии ОмГУ В.П. Корзун и д.и.н., проф., председателя Омского отделения РОИИ, зав. сектором социокультурных процессов Сибирского филиала Российского института культурологии В.Г. Рыженко. Эти юбилеи послужили поводом к предпринятой в сборнике «попытке расширения проблемного поля историографического исследования за счёт обращения к принципиально новой для себя гендерной проблематике» (с. 5).

Отечественные гуманитарии только начинают подходить к работе с гендерными идеологиями и дискурсами по всему спектру гендерного «дисплея». Методология изучения социума в регистре «социального пола» является поныне полем острых когнитивных конфликтов, вплоть до вопроса о том, что чему предшествует: биологический пол гендеру как социальной организации и культурной интерпретации половых различий или же, напротив, пол — это судьба, он лишь маркирует социальное деление, являя собой знак с символическим значением, приобретённым в ходе исторического развития. В любом случае, ситуацию *gender studies* в историческом

вышли: Вып. 2 / Под ред. Г. К. Садретдинова, В. П. Корзун. Омск, 2006; Вып. 3 / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Омск, 2007; Вып. 4 / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба. Омск, 2008.

¹³ *Редколлегия*. Введение // Мир историка. Вып. 1. С. 3.

¹⁴ Корзун В. П. Вместо предисловия // Мир историка. Вып. 3. С. 11.

¹⁵ Мир историка. Вып. 4. Далее ссылки на данный выпуск в тексте.

познании вполне характеризует название увидевшей свет в 1986 г. статьи Джоан Скотт «Гендер: полезная категория исторического анализа». Её принято считать поворотным моментом в формировании дискурса гендерной истории, поскольку здесь были сформулированы основные методологические положения, обновлённые под влиянием постмодернистских и постструктуралистских веяний.

Гендерное видение истории оказалось стянуто к системе символов, которые представлены в многоликих репрезентациях человеческого сообщества, бытийствующего посредством социоролевого обмена. Поэтому гендерные штудии, сначала опиравшиеся на модернистские теории (структурный функционализм Т. Парсонса, теории социализации Т. Парсонса и Р. Бейлса, интеракционизм И. Гофмана), нашли релевантную проблемно-концептуальную основу в постструктуралистской семиотике, представленной в конструктах М. Фуко, Ж. Дерида, П. Бурдьё и, разумеется, концепциях «женского письма» Ю. Кристевой, Э. Сиксу и Л. Иригарэ, построениях других западных гендерных и феминистских теоретиков. И не только. Угодивший в гендерные сети концепт Ж. Лакана «Женщина не существует» — контрапункт неотрейдиской идеи о неизбежном доминировании мужского начала в мире *homo sapiens* — подвергается радикальной реификации. Женщины «нет», но в том смысле, что «не существует» и мужчины: и «он», и «она» как субъективные конструкты равны перед культурной метафорой гендера. Подобно тому, как в христианском универсализме «нет ни эллина, ни иудея».

Растянувшееся на несколько десятилетий смещение гендерных исследований в сторону «безыдейного» постмодернизма, получившее мощный толчок в ходе «мировой революции» 1968-го года, сопровождалось ослаблением их зависимости от боевитых идей феминизма и сообразных политических притязаний. Академическая составляющая сей интеллектуальной эволюции получает обобщенную характеристику в новейшем историографическом труде: «Траектория движения историографии второй половины XX в. фиксирует следующие вехи: от якобы бесполой, универсальной по форме, но по существу игнорирующей женщин истории — к её зеркальному отражению в образе “однополой”, “женской” истории, от последней — к действительно общей гендерной истории, и далее — к обновленной и обогащённой социальной истории, которая стремится

расширить своё предметное поле, включив в него все сферы межличностных отношений. По существу, речь идёт о новой исторической дисциплине с исключительно амбициозной задачей — переписать всю историю как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым “мужским шовинизмом” всеобщей истории, и с затянувшимся сектанством истории “женской”¹⁶.

Замысел четвертого выпуска «Мира историка», ядром которого является гендерная проблематика, под стать такому пониманию истории гендерных отношений. Выражая мнение редколлегии, С. П. Бычков, А. В. Свешников и А. В. Якуб подчеркивают, что «в нашем случае речь идёт не об “истории женщин”, а о попытках изучения общества как гетерогенной динамичной структуры диалогического взаимодействия различных половозрастных ролей и статусов. На наш взгляд, именно такой подход открывает принципиально новые перспективы исследования» (с. 6). По разумению авторов, «гендерный “поворот” позволяет попытаться ухватить некоторые новые аспекты при исследовании “родного”, традиционно привычного проблемного поля. К этим новым аспектам относятся, например, специфика гендерных отношений в рамках академического сообщества, конструирование особой профессиональной идентичности учёного-историка с учётом гендерных особенностей, влияние женщин на формирование жизненных и научных приоритетов историков-мужчин (сыновей, мужей, коллег) и т.д.» (с. 6). Основное внимание участвующих в этом выпуске историков из разных городов (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Киев, Липецк, Омск, Петрозаводск, Чебоксары, Челябинск, Череповец) сосредоточено на специфике гендерных отношений в микросообществах науки.

В первом из трёх разделов альманаха («Женщины в мире науки») представлен широкий круг проблем, от судеб тех женщин, что были допущены в андроцентричную академическую среду конца XIX — начала XX в., до «женского взгляда» на «приключения» в археологических экспедициях уже советского времени. Статьи этого раздела сопряжены с содержащимся в его последнем, третьем, сег-

---

¹⁶ Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 262. Это обобщение опирается на результаты многолетнего изучения процесса становления и развития женских и гендерно-исторических исследований в историографии. См.: Ретина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина Европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.

менте документальным массивом, составленным из эго-документов учёных и окружавших их женщин.

Наиболее последовательно подходы современной гендерной истории как составной части тендерной парадигмы социального познания представлены в статье Н.В. Гришиной¹⁷, посвященной проблеме социальных ролей, которые играли просвещённые дамы в сфере отечественного образования на рубеже XIX–XX вв. Автор показывает их стремление внести изменения в гендерный контракт эпохи, который предусматривал для женщины место «около науки» или «рядом с наукой». Он — в смысле она — не ограничивается анализом взятых на вооружение представителями «слабого пола» стратегий, преследующих цель получить доступ к образованию. Мобилизованная исследователем для социологической интерпретации проблемы структурно-функционального извода концептуалистика позволила ему (в значении ей¹⁸) сделать отражающее гендерную сенситивность научного сообщества рубежа веков обобщение (ещё? уже? свободное от психоаналитических и лингвосемантических интерпретаций): «Смирившись с существованием высших женских курсов и институтов, общество продолжало считать, что для образованных женщин наиболее приемлемо использовать полученные знания для домашнего воспитания детей или преподавания в гимназии в статусе народной учительницы, т.е. фактически выполнять традиционную роль матери как агента первичной социализации, соответствующую гендерной идентичности эпохи» (с. 28).

Взаимодействие «маскулинного» и «феминного» начал в академической среде прослеживается в статьях Т.Н. Ивановой «Женщины в судьбе В.И. Герье» и А.В. Антощенко «Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории)»¹⁹, причем историки избирают сюжет о роли женской презентации в профессиональной деятельности ученых мужей. Получается, женское влияние в научном микросоциуме одинаково плодотворно при любом сценарии межличност-

---

¹⁷ См.: *Гришина Н.В.* «Ученицы, слушательницы, почитательницы... Женщины в мире “мужской” науки (в конце XIX – начале XX вв.)» // *Мир историка*. Вып. 4. С. 8–21.

¹⁸ Даром что ли Р. Барт, безуспешно пытавшийся очистить научные манифестации от следов идеологии, в отчаянии воскликнул: «Язык — это фашист!».

¹⁹ См.: *Иванова Т.Н.* Женщины в судьбе В.И. Герье // *Мир историка*. С. 29–49; *Антощенко А.В.* Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Там же. С. 50–75.

ных отношений. «Дорогие сердцу Герье женщины» — жена Евдокия (Авдотья) Ивановна Токарева, дочери Софья и Елена не только подвигли выдающегося специалиста в области всеобщей истории на создание Московских высших женских курсов, но и сохранили бесценные для истории науки документы — «знаменитый фонд 70 в Отделе рукописей РГБ, к материалам которого обращался, пожалуй, любой исследователь исторической науки конца XIX — начала XX вв.» (с. 49). Пребывая среди «преданных, умных, нравственно чистых — настоящих русских женщин» (с. 37; авторы более чем уверены, что пассаж о «настоящих русских женщинах», обладающих столь завидными качествами, — не более чем фигура речи, а она ничуть не ставит под сомнение наличие «настоящих женщин» у англичан, немцев, татар и др. — *В.Б., Г.М.*). В.И. Герье ещё в начале века сумел придти к выводам, какие вполне могли бы послужить ему пропуском в мир современной гендерной истории: «Женщина, вообще говоря, не уступает мужчине ни в способности логического мышления, ни силой воли», разве что будучи «восприимчивее в области чувства», а «современное различие между интеллектуальным и нравственным миром мужчин и женщин в значительной степени обуславливается влиянием преемственной культуры и способом воспитания» (цит. по: с. 37). Впрочем, насчёт заверенного академической печатью мандата В.И. Герье мы погорячились, поскольку он «считал неприемлемым по ряду причин обучение женщин в существовавших университетах» (с. 37).

Теперь «казус» Г.П. Федотова, у кого была принципиально иная, нежели у В.И. Герье, ситуация. Но и здесь метания мыслителя, попавшего в тиски «любви-ненависти» к Т.Ю. Дмитриевой, обернулись большим плюсом для науки, сиречь «способом познания любимой, на основе которого позже оформился оригинальный метод исторического исследования Г.П. Федотова» (с. 74). И неспроста: «Татьяна ввела Жоржа в свой духовный мир, сотканный из её восприятия незнакомых ему литературных героев (прежде всего из произведений норвежских писателей и русских символистов), мистцизма и фантазии. Красота этого мира не укладывалась в привычные представления Жоржа, он хотел бы оспорить некоторые её проявления, но не мог этого сделать. Ему оставалось принять её мир таким, каков он есть, включить его ценности и связанные с ними Татьянины истины в систему своего мировосприятия» (с. 61). Начинаешь пони-

мать, почему история, освобождаясь от жёстких дисциплинарных норм ранкеанского толка, так сближается с литературой, сюжеты и системы мировидения которой вырастают из превратностей межличностных отношений её творцов.

К тем статьям, где авторы стараются выдержать формат *gender differences*, примыкают тексты из раздела «Документы и материалы»²⁰. Некоторые из них посвящены фигуре матери учёного, причастной конвенциональным связям и контактам: «перед нами феномен содержательно расширяющейся, ценностно нагруженной коммунарности, когда погружение в интересы друг друга, приближение их к “своим” становятся стилем жизни» (с. 459). Сопрягая своим активизмом жанр научной жизни с канонем жизни науки, матери и жёны учёных не только осваивали негласный кодекс поведения учёного сословия, но и сообщали импульсы процессам изменения маскулинноцентричной гендерной нормативности.

Комментируя подготовленные матерью материалы к биографии математика с мировым именем И.А. Лаппо-Данилевского (сына знаменитого историка А. С. Лаппо-Данилевского), В.П. Корзун полагает, что «Елена Дмитриевна, не являясь профессиональным учёным, при составлении биографии исходила из ценностных установок профессорской культуры, этоса науки — биограф открывает в человеке и его мире лишь то, против чего, вероятно, не стал бы возражать и сам человек. Этот принцип в современной биоисториографии рассматривается как основополагающее ценностно-этическое требование» (с. 458).

Наверное, для такой напряжённой сферы, как гендерное взаимодействие, эта максима имеет особое значение. Однако возникают вопросы. Как можно базировать ценностно-этическое требование, да

---

²⁰ См.: *Мягков Г. П., Хамматов Ш С.* «Остаюсь любящая мать и самый искренний друг Софья Корсакова, или «Обратная семантика» жизни и творчества историка Дмитрия Корсакова (с. 412–439); *Мамонтова М. А.* Первая русская женщина — магистр русской истории (подборка документов, посвященная М. А. Островской) (с. 449–454), *Корзун В. П.* «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной) (с. 455–499); *Антощенко А. В.* «Вторая муза историка» (стихи Г. П. Федотова) (с. 500–506); *Гутнов Д. А.* Е. В. Гутнова в характеристиках Е. А. Косминского (публикация из архива наследников Е. В. Гутновой ее четырех официальных характеристик, составленных учителем, членом-корреспондентом АН СССР Е.А. Косминским) (с. 512–520).

ещё основополагающее, на предположительном, вероятном? И даже если прибегнуть к антиципации такого свойства: да, действующее лицо исторического нарратива явно не хотело бы в своё время касаться тех или иных сторон своей биографии, то можно ли быть уверенным, что — чудесным, к примеру, «фёдоровским», способом воскрешённое — в иных условиях оно было бы столь же категорично? И потом. Разве создание истории не есть вопрошание её героев зачастую именно о том, чего они вовсе не хотели бы разбирать по косточкам? Не потому ли столь широко распространена практика обнаружения личных материалов деятелей культуры, политики или науки вопреки их прямому запрету, сделанному ещё при жизни? История — наука, а наука не склонна принимать в расчёт нравственные соображения. Другое дело, что и здесь никто не отменял понятия такта, уважения к личности. Поэтому пределы проникновения во внутренний мир своего персонажа — это предмет морального выбора каждого исследователя. В.П. Корзун, как можно заметить, расположена к сдержанности в этом вопросе.

Рискуя уйти в сторону, обратимся здесь к русскому переводу романа венгерского писателя Петера Эстерхази «Исправленное издание»²¹, а вернее, его обсуждению на страницах журнала «Новое литературное обозрение»²². Воспользуемся характеристикой коллизии произведения, что содержится в выступлении одного из участников этой беседы: «Оказывается, отец писателя, главная и поразительная фигура недавно прочитанной нами книги Петера Эстерхази, фундаментального романа-хроники “*Harmonia Caelestis*”, блестящий представитель древнего рода, любимец бесчисленных родных, друзей, знакомцев и, как можно понять, смысловой центр жизни сына, с марта 1957 года на протяжении многих лет был постоянным информатором венгерских спецслужб. Признанию этого переломного открытия, его документированию и попытке понять, вдогонку только что вышедшей “*Harmonia Caelestis*”, и посвящено “Исправленное издание”, вышедшее по-венгерски в 2002 году»²³. Можно быть уве-

²¹ См.: Эстерхази П. Исправленное издание: Приложение к роману «*Harmonia Caelestis*»: Роман / Пер. с венгр. и послесл. Вяч. Середы. М.: НЛО, 2008.

²² См.: Аксиология памяти в литературе: Петер Эстерхази // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 2 (96). С. 212–254.

²³ Дубин Б. Другая история // НЛО. 2009. № 2. С. 222.

ренным, что граф Матьяш Эстерхази ни под каким предлогом не дал бы добро на описание той — скрытной — стороны своей жизни, где он действовал под кличкой Чанади. Писатель Е.А. Попов, задаваясь вопросом «нужно ли об этом вообще знать?», молвил со свойственной ему прямоотой: «Да вот, получается, исходя из личного опыта Петера Эстерхази, что без этого знания жизнь вообще и литература в частности теряют всякий смысл, превращаясь в дешёвый балаган»²⁴.

Можно понять авторов, ратующих за сокрытие от «посторонних взглядов» интимных, частных сторон жизни человека: это прямо относится и к истории, что запала на превратности судеб дочерей Евы, и к другой, озабоченной деяниями сыновей Адама. Однако историознание неизбежно вовлечено в идейно-политическое ратоборство, а здесь свои законы: «В подобных условиях попытку отстоять частное, защиту обычного, борьбу за интимность, у которой отнимают собственное место, время, реальность, осмысленную речь, можно рассматривать как неклассическое измерение или новое поле политической борьбы. Именно так формулировала свой авангардистский подход к теме семейного и женского американский кинорежиссёр Сью Фридрих в знаменитой фразе: «Личное и есть политическое» (“The personal is political”). Этим, в частности, был продиктован фильм-дознание С. Фридрих о детстве и юности её матери в нацистской Германии “Связующие узы” (“The Ties That Bind”, 1984)”²⁵.

Свое «дознание» о положении женщины-учёного в ту же эпоху и в той же стране ведёт один из авторов альманаха А.В. Хряков, сосредоточившись на жизненном и творческом пути историка Х. Шедер²⁶, которая, не найдя достойного применения своим знаниям в научной системе Третьего рейха — «мужского государства», обратилась к религиозно-просветительской деятельности, а в 1943 г. за «пособничество евреям» попала в женский концлагерь Равенсбрюк. Конечно, здесь ни у автора, ни у читателей не возникает проблем с «ценностно-этическим требованием», поскольку Шедер борется и страдает за «правое дело». Но они бы обязательно возникли,

---

²⁴ Попов Е. После Освенцима. Исправленная рецензия // НЛО. 2009. № 2. С. 217.

²⁵ Дубин Б. Указ. соч. С. 223.

²⁶ См.: Хряков А. В. Немецкий историк Хильдегард Шедер: ресурсы научной карьеры // Мир историка. Вып. 4. С. 171–196.

если бы в центре исторического исследования оказалась персона хотя бы коллаборациониста поневоле. Так что вопрос о границе вторжения в сферу частного не имеет однозначного решения.

В целом же статьи и материалы альманаха, несомненно, расширяют представление о соотношении приватного и публичного, «мира любви» и «мира науки» в ходе адаптации женщин к порядкам доминирующей тендерной идентификации. Очевидно и другое, основной массив статей²⁷ всё же более тяготеет к *women's studies*, нежели к некоей общей гендерной истории, так что не утратила своей актуальности оценка, согласно которой гендерные исследования в России находятся в целом в ситуации, когда они ещё не совсем отделились от «женской» и «мужской» историй²⁸.

Дело не только в том, что отечественная наука значительно позже обратилась к изучению положения женщин. Гендерная история в любой из своих версий и модификаций сохраняет «родимые пятна» феминистского мировоззрения²⁹, а от предпосылочных — идеологических — суждений не удаётся по-настоящему избавиться и не в таких «идейно заряженных» областях исторического знания. Авторы сборника и сами отдают себе в этом отчет: «Гендерные исследования за последние тридцать пять лет превратились если не в респектабельную (чему мешают имплицитный политический заряд

---

²⁷ См.: Швелева П. В. Молодость историка (начало жизненного и профессионального пути М. В. Нечкиной) (с. 76–118); Дребушевская Г. А. Е. В. Гутнова о средневековом представительстве и проблемах демократии» (с. 119–140); Гурджий А. И., Юсов С. Л. Научная деятельность Екатерины Стецюк в Институте истории Украины (с. 153–170); Зезина М. Р., Кознова И. Е., Роголина Н. Л., Рыженко В. Г., Сивохина Т. А. Вспоминая уроки гармонии «ученого» и «женского»: к образу советского историка В. М. Селунской (с. 197–221); Свешикова О. С. Женский взгляд. Археологическая экспедиция в гендерном измерении (с. 222–237) и др.

²⁸ См.: Муравьева М. Г. Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra. СПб., 2000. С. 6.

²⁹ Упомянутый уже на этих страницах «самый веселый анархист новой российской словесности» Е. А. Попов поведал: «Выступая в моем присутствии на Западе перед феминистской аудиторией, колдун Ерофей (писатель В. В. Ерофеев. — В. Б., Г. М.) заявил однажды, что движущей силой модной тогда “перестройки” являются женщины как существа более цивилизованные и сознательные», посему «феминистки быстро раскупили любезно предложенные колдуном его собственные книги» (Попов Е. Подлинная история «зеленых мюзикантов». М., 2003. С. 142).

[выделено нами. — В. Б., Г. М.]), то, по крайней мере, вполне успешную исследовательскую традицию» (с. 5).

За различными проявлениями этого «заряда» бывает не просто уследить и самим поборникам научно-исторического равноправия полов. В той же статье Н. В. Гришиной фигурирует «чисто женская поведенческая стратегия — своеобразная “бархатная власть”», а на память приходит — причём обоим авторам сразу, — вкрадчиво-ползучая «генеральная линия» Фомы Фомича Опискина из повести «Село Степанчиково и его обитатели» Ф. М. Достоевского, а в ней норы и пошиб обывателей — дочерей и сыновей земли русской раскрыты глубже и масштабнее, чем во многих исторических сочинениях. Или А. В. Хряков размышляет над судьбой Х. Шедер как «одной отдельно взятой женщины-историка» в контексте «всей женской историографии Германии»: в случае, если принять положение о «женской историографии» за методологический императив, то можно, пожалуй, ожидать поворота во взглядах на характер и природу исторического познания в целом. И ещё. Продвигаясь на примере жизни и деятельности В. М. Селунской «к воссозданию единства профессиональной биографии и человеческих качеств в целостном образе советского историка, принадлежащего своему времени», исследователи обозначают контуры облика своей героини, какие «действительно оказываются не просто лично окрашенными, они пронизаны редким свойством гармонии “учёного” и “женского”» (с. 221). Но вот для читателя остается непрояснённым, по какому же преимущественно разряду — научному или женскому — проходит исключительная творческая активность профессора Московского университета: «Валерия Михайловна мало спала и многое успевала. Отсюда её высокая работоспособность и эрудиция» (с. 211).

Впрочем, авторы данного текста всё более склоняются к мысли о том, что решение грандиозной задачи (если, конечно, признать, что она стоит в качестве первостепенной перед отечественной историографией) — переписать всю историю как историю гендерных отношений, решительно покончив и с мужским шовинизмом, и женским сектантством, может быть представлено только в виде достижений всего исторического познания в целом. В многомерном пространстве знания об истории отдельные исторические произведения не только могут, но и, скорее всего, должны отображать собственно

«женские» и «мужские» линии общественного развития. Или же, как это принято в традиционной историографии, до известной степени абстрагироваться от них. В противном случае, требование во что бы то ни стало реализовать идею гендера как взаимодействия социо-биологических сообществ на площадке каждой без исключения работы рискует превратиться в дневные муки и ночные кошмары профессии историка. Похоже, современная наука и культура не готовы к такой всеобъемлющей перемене взглядов на мир людей, укорененных в христианской в своей основе евроатлантической цивилизации.

Однако процесс идёт. Медленно, но неуклонно. Гендерная история — один из его симптомов. Пионерный опыт омских историков и потянувшихся к ним коллег из других мест сигнализирует о наличии у них необходимого экзистенциально-личностного ресурса, тем самым — о ситуации достаточно высокой сенсильности части научного сообщества гуманитариев в области женских и гендерных исследований. Можно ожидать наступления времён, для коих станет нормой, дежурной риторикой умозаключение: «Понятие пола наряду с возрастом, национальностью и социальным статусом является центральным для исторической науки, так как лежит в основе конституирования всей социальной действительности» (с. 171). Четвёртый выпуск альманаха «Мир историка» эти времена приближает.

И последнее. Авторы не брали на себя всесторонний анализ весьма содержательного, насыщенного идеями и образами сборника, за скобками их рассмотрения оказался раздел второй — «Типология научных коммуникаций», хотя в широком смысле, в русле «антропологии» академической жизни, он внутренне связан с другими частями альманаха. Они посчитали наиболее важным для себя остановиться на «несколько авантюрной» (с. 5) затее авторов «Мира историка» — погрузиться в малоизведанную пучину Гендера. Как видим, ничего страшного, можно плыть дальше.

В. М. Бухараев, Г. П. Мягков